RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 217–230**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-217-230
EDN: LBGWJT

Научная статья / Research article

Партийные системы регионов России на выборах 2024 года: что осталось от конкуренции?

С.А. Шпагин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, *Томск, Российская Федерация*

✉ shpagin1972@mail.ru

Аннотация. В условиях трансформации российской избирательной и партийной систем исследование положения политических партий в регионах России и динамики развития региональных партийных систем представляет собой актуальную задачу. Цель исследования — оценить уровень политической конкуренции на региональных выборах и определить актуальные тенденции развития партийных систем российских регионов. Эмпирической основой работы послужили данные ЦИК России об участии политических партий в выборах 2024 г. в законодательные собрания 12 субъектов Российской Федерации в сравнении с результатами двух предшествующих электоральных циклов. Комплексный анализ уровня электоральной конкуренции в регионах проведен на основе авторской методики, включающей в себя как традиционный содержательный анализ статистических материалов, так и применение индексного подхода (расчет эффективного числа партий). На выборах 2024 г. дальнейшее снижение количества партий и уровня их активности сопровождалось заметным падением уровня электоральной конкуренции по сравнению с результатами ряда предыдущих избирательных кампаний. В большинстве регионов зафиксировано не только сокращение числа выдвинутых и зарегистрированных партийных списков, но и значительный рост показателей «Единой России», а также существенное снижение значения индекса эффективного числа электоральных партий. Остается крайне низким и эффективное число парламентских партий. Описанные результаты выборов означают, что наблюдаемая ранее тенденция роста партийного разнообразия и фрагментации электоратов в соответствующих регионах сменилась тенденцией свертывания партийного плюрализма и консолидации избирателей вокруг все более ограниченного круга партий.

Ключевые слова: выборы, законодательные собрания, политические партии, региональные партийные системы, эффективное число партий

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шпагин С.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Шпагин С.А.* Партийные системы регионов России на выборах 2024 года: что осталось от конкуренции? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 217–230. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-217-230 EDN: LBGWJT

Party Systems of Russian Regions in the 2024 Elections: What is Left of the Competition?

Sergey A. Shpagin

National Research Tomsk State University, *Tomsk, Russian Federation*

✉ shpagin1972@mail.ru

Abstract. In the context of the transformation of the Russian electoral and party systems, the study of the situation of political parties in the regions of Russia and the dynamics of the development of regional party systems is an urgent task. The purpose of the study is to assess the level of political competition in regional elections and determine the current trends in the development of party systems in Russian regions. The empirical basis of the work was the data of the Central Election Commission of Russian Federation on the participation of political parties in the elections of 2024 to the legislative assemblies of 12 constituent entities of the Russian Federation in comparison with the results of the two previous electoral cycles. A comprehensive analysis of the level of electoral competition in the regions was carried out on the basis of the author's methodology, which includes both the traditional meaningful analysis of statistical materials and the use of an index approach (calculation of the effective number of parties). In the 2024 elections, a further decline in the number of parties and their level of activity was accompanied by a noticeable drop in the level of electoral competition compared to the results of a number of previous election campaigns. In most regions, not only a decrease in the number of nominated and registered party lists was recorded, but also a significant increase in the indicators of United Russia, as well as a significant decrease in the value of the index of the effective number of electoral parties. The effective number of parliamentary parties remains extremely low. The election results described mean that the previously observed trend of growing party diversity and fragmentation of electorates in the respective regions has been replaced by a trend of curtailment of party pluralism and consolidation of voters around an increasingly limited range of parties.

Keywords: elections, legislative assemblies, political parties, regional party systems, effective number of parties

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Shpagin, S.A. (2026). Party systems of Russian regions in the 2024 elections: What is left of the competition? *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 217–230. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-217-230 EDN: LBGWJT

Введение

Оценка политических партий как института, формирующего и выражающего политический плюрализм в демократически организованных политических системах, уже давно стала хрестоматийной. С этой точки зрения конкуренция между партиями за голоса на выборах, места в парламентах и министерские портфели в правительственных коалициях привычно

рассматривается политологами как одно из конституирующих свойств партийных систем. «Партийная система — это именно система взаимодействий, возникающих в результате межпартийной конкуренции», — писал полвека назад итальянский классик партологии Джованни Сартори [Sartori 2005: 39]. «Партийные системы могут быть определены как структуры партийной конкуренции и сотрудничества», — вторят ему Пол Пеннингс и Ян-Эрик Лэйн [Pennings, Lane 1998: 5]. Неудивительно, что исследования межпартийной конкуренции, ее участников, масштабов и характера занимают значимое место в изучении выборов — как в России, так и за рубежом.

Изучение политической конкуренции имеет большое значение не только на национальном, но и на субнациональном уровне. Оценка уровня конкуренции открывает широкие возможности сравнения и типологии регионов. Если выборы губернаторов, мэров, депутатов парламента в одномандатных округах сильно персонифицированы, то выборы в региональные законодательные собрания привлекают значительно больше внимания к партийным брендам. В отличие от парламентских выборов по единому округу, региональные гораздо лучше отражают местную специфику, а потому служат наиболее точными индикаторами состояния партийных систем в соответствующих регионах [Шпагин 2023: 69].

Исследования последних лет показывают, что принятые властями в середине и второй половине 2010-х гг. меры по корректировке избирательной системы существенно ограничили масштабы участия партий в региональных выборах и размеры партийной системы в целом [Любарев 2020; Любарев 2023]. Тем не менее на протяжении всего электорального цикла 2017–2021 гг. ведущими тенденциями региональных выборов оставалось снижение уровня голосования за «Единую Россию», изменение в связи с этим ее электоральной стратегии, укрепление позиций непарламентских партий и рост уровня электоральной конкуренции [Шпагин 2021: 180–181]. *Цель исследования* — понять, как соотносятся с этими тенденциями результаты региональных выборов 2024 г.

Методы исследования

Политологи расходятся в том, по каким критериям и показателям оценивать уровень конкуренции на выборах в той или иной партийной системе. Для многих из них конкуренция представляет собой чисто качественную характеристику, определяемую лишь режимными условиями проведения выборов [Курочкин 2021]. А исследователи, опирающиеся на количественные методики анализа, используют различные показатели. Это и количество партий, принявших участие в избирательной кампании [Шашкова 2017], и процент мест, подконтрольных второй по величине партии [Джанда 2010], и разрыв между процентами голосов, набранными первой и второй партией [Шилов, Рылкина 2013], и эффективные числа электоральных и парламентских партий [Гельман 2008]. Очевидно, что эффективность этих показателей не равнозначна. От количества партий, допущенных к участию в выборах, зависит спектр выбора избирателей. Однако в случае явного доминирования одной партии о реальном уровне

межпартийной конкуренции этот показатель ничего не говорит. Доля мест второй партии — исчерпывающий показатель конкуренции в двухпартийной системе, но мало информативный за ее рамками. Почти то же самое можно сказать и о разрыве в процентах голосов, набранных первой и второй партиями.

Именно в силу неуниверсальности названных показателей при изучении межпартийной конкуренции чаще всего используется индекс эффективного числа партий (ENP). При этом исследователи настолько расходятся в оценке его точности, что наряду с наиболее распространенной формулой М. Лааксо и Р. Таагеперы [Laakso, Taagepera 1979] в научном обиходе применяются и альтернативные формулы Х. Молинара [Molinar 1991], П. Данливи и Ф. Бусек [Dunleavy, Boucek 2003] и Г.В. Голосова [Golosov 2010]. В частности, в исследованиях электоральной политики в российских регионах получили распространение как индекс Лааксо — Таагеперы [Перфильев 2017], так и индекс Голосова [Шпагин 2023], а в некоторых случаях — оба сразу [Korgunyuk, Ross, Shpagin 2018].

Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением коллег, подчеркивающих, что для полноценного учета всех аспектов межпартийной конкуренции необходимо применять несколько показателей [Петров, Григорьев 2018]. В частности, выдвижение партийных списков характеризует активность партий и самооценку их положения в регионе, регистрация партийных списков — фильтрационную активность избиркомов, доли голосов за парламентские партии — расстановку сил на электоральном поле, эффективное число партий — уровень фрагментации электоратов и депутатского корпуса. Поэтому для оценки уровня межпартийной конкуренции на выборах в данном исследовании будут использованы несколько показателей: количество выдвинутых и зарегистрированных партийных списков в каждом регионе, доли голосов, полученных парламентскими партиями в едином округе, а также ENP, рассчитанное по формуле Г.В. Голосова:

$$ENP = \sum_{1}^{x} \frac{S_i}{S_i + S_1^2 - S_1^2}.$$

Поскольку в российских регионах конкуренция между партиями проявляется на двух уровнях — электоральном и парламентском, то индекс рассчитывается двумя способами. На электоральном уровне это эффективное число электоральных партий (ENEP), для которого S_i — доля действительных голосов каждой партии в едином округе, а S_1 — доля голосов партии-победительницы. На парламентском уровне это эффективное число парламентских партий (ENPP), для которого S_i — доля мест в органе власти каждой из партий S_1 — доля мест крупнейшей партийной фракции.

Региональные выборы 2024 г.: правовой и политической контекст

В единые дни голосования 6–8 сентября 2024 г. состоялись выборы законодательных собраний в 13 субъектах Российской Федерации. Среди них семь республик (в том числе такие электорально управляемые, как

Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Татарстан и Тыва), три области, Хабаровский край, Москва и Севастополь. Если выборы в парламенты Кабардино-Балкарии (КБР) и Карачаево-Черкесии (КЧР) проводились по пропорциональной системе с закрытыми списками, а в Московскую городскую Думу — по мажоритарной системе относительного большинства, то в остальные ассамблеи — по смешанной несвязной системе. Это несколько затрудняет сравнение их результатов и заставляет исключить из рассмотрения Москву. Тем не менее некоторые тенденции участия российских партий в этих выборах просматриваются довольно отчетливо.

В отличие от региональных выборов 2019 г., которые проходили в обстановке роста протестных настроений, обусловленных продолжением непопулярной пенсионной реформы, выборы 2024 г. прошли в совершенно иных условиях. Репрессии против несистемной оппозиции и независимых СМИ, обстановка специальной военной операции, консолидация лояльной части избирателей вокруг политического курса Кремля, неготовность парламентской оппозиции предложить реальные альтернативы ему, наконец, новеллы избирательного законодательства — все это усилило позиции «Единой России» и ослабило возможности других партий соперничать с ней на электоральном поле.

Выборы продемонстрировали дальнейшее снижение активности политических партий и в связи с этим — все менее убедительные перспективы многих из них. Продолжается общее сжатие отечественной партийной системы: если в 2014 г. право участвовать в выборах имели 69 партий, то к 2019 г. это количество сократилось до 51, а в 2024 г., по данным Минюста, после приостановки деятельности «Партии дела» это право сохранили только 24 партии[1]. Основных механизмов сокращения три: ликвидация в связи с недостаточно активным участием в выборах, ликвидация из-за сокращения числа региональных отделений и слияние партий. В частности, из-за объединения со «Справедливой Россией» в бюллетенях 2024 г. не было «Патриотов России» и прилепинской партии «За правду!». А в апреле 2024 г. выбыла из круга участников «Партия роста», которая влилась в состав идеологически близкой парламентской партии «Новые люди».

Выдвижение и регистрация партийных списков

Число партий, выдвинувших свои списки кандидатов в едином округе, продолжает снижаться: в 2014 г. их было 36, в 2019 г. — 22, а в 2024 г. — лишь 14. На первый взгляд, тенденция может показаться даже позитивной: если в 2014 г. доля участвующих партий составила 52,2 %, а в 2019 г.

[1] Политические партии, отвечающие требованиям пункта 2 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях», согласно информации, представленной Министерством юстиции Российской Федерации, по состоянию на 16 июля 2024 г. // ЦИК России. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/MinUst/last/ (дата обращения: 12.01.2025).

и вовсе 43,1 %, то в 2024 г. — 58,3 %. Таким образом, формально партии стали активнее. Однако нельзя не заметить, что активность эту проявляют одни и те же партии, главным образом, парламентские или имеющие региональную льготу при регистрации. Регистрация на основании подписей избирателей остается рискованной, в результате чего потраченные на кампанию деньги пропадают зря. В частности, не сумели зарегистрировать списки «Партия Возрождения России» в Республике Алтай, Российский общенародный союз — в Волгоградской области и «Гражданская инициатива» в Татарстане и Тульской области. Если в 2014 г. избиркомы зарегистрировали в общей сложности списки 27 партий, то в 2019 г. — только 14, а в 2024 г. — всего 10.

Как выглядит ситуация в региональном разрезе? (табл. 1). В большинстве регионов активность партий по выдвижению списков снизилась, местами довольно резко — например, на Алтае, в Татарстане и Севастополе. По количеству выдвинутых списков лидируют Хабаровский край и Тульская область, меньше всего списков выдвинуто в КЧР и Тыве. Среднее количество списков на регион снизилось с 11,5 в 2014 г. до 7 в 2024 г.

Таблица 1. **Выдвижение и регистрация партийных списков на региональных выборах 2014–2024 гг. по регионам**

Регионы	Выдвинуто списков			Зарегистрировано списков		
	2014	2019	2024	2014	2019	2024
Республика Алтай	14	13	7	7	9	6
Кабардино-Балкарская Республика	13	7	6	7	6	6
Карачаево-Черкесская Республика	12	8	5	5	6	5
Республика Крым	14	9	8	12	8	7
Республика Марий Эл	9	10	7	6	6	7
Республика Татарстан	11	11	6	7	7	5
Республика Тыва	7	9	5	7	5	5
Хабаровский край	10	10	9	7	7	8
Брянская область	10	7	8	5	5	7
Волгоградская область	15	6	7	4	5	6
Тульская область	8	9	9	7	7	6
Севастополь	15	12	7	14	6	6

Источник: составлено С.А. Шпагиным на основе базы данных ЦИК России. URL: http://www.izbirkom.ru/ region/ izbirkom (дата обращения: 24.11.2024).

Table 1. **Nomination and registration of party lists in regional elections 2014–2024 by regions**

Regions	Lists put forward			Lists registered		
	2014	2019	2024	2014	2019	2024
Republic of Altai	14	13	7	7	9	6
Republic of Kabardino-Balkaria	13	7	6	7	6	6
Republic of Karachay-Cherkessia	12	8	5	5	6	5
Republic of Crimea	14	9	8	12	8	7
Republic of Mari El	9	10	7	6	6	7
Republic of Tatarstan	11	11	6	7	7	5
Republic of Tuva	7	9	5	7	5	5
Khabarovsk Territory	10	10	9	7	7	8
Bryansk oblast	10	7	8	5	5	7
Volgograd oblast	15	6	7	4	5	6
Tula oblast	8	9	9	7	7	6
Sevastopol	15	12	7	14	6	6

Source: compiled by S.A. Shpagin based on the Central Election Commission of Russia database. Retrieved November 24, 2025, from http://www.izbirkom.ru/ region/izbirkom

Естественно, что показатели количества зарегистрированных партийных списков по регионам еще ниже. Заметим, как в 2014 г. отличались от всех остальных новоприсоединенные регионы. Уже к следующим выборам это различие нивелировалось. Тенденция к снижению показателей здесь хотя и присутствует, но не столь заметна, как в предыдущем случае. Больше всего списков успешно прошло регистрацию в Хабаровском крае, меньше всего — в КЧР, Татарстане и Тыве. Наибольшую строгость проявила избирательная комиссия Тульской области, отказавшая в регистрации спискам сразу трех партий. Зато в КБР, КЧР, Марий Эл и Тыве успешно прошли регистрацию все выдвинутые партийные списки. Среднее количество зарегистрированных партийных списков сократилось с 7,33 в 2014 г. до 6,42 в 2019 г. и 6,16 в 2024 г.

Результаты партий

Если в 2019 г. уровень голосования за «Единую Россию» (ЕР) упал везде, кроме КБР, то в 2024 г. «партия власти» существенно укрепила свои позиции (табл. 2). Особенно это заметно на Алтае (+19,6 %), в Крыму (+20,2 %), Марий Эл (+26,7 %) и Севастополе (+33,1 %). Также ЕР вернула себе лидирующее положение в Хабаровском крае, утраченное в период губернаторства С. Фургала. Средний уровень голосования за нее вырос на 14 %.

Впрочем, случаи наиболее внушительного прироста голосования за «партию власти» связаны, главным образом, с применением голосования вне избирательных участков и ДЭГ. Так, на основе данных ЦИК России можно посчитать, что в Марий Эл в переносные урны проголосовали 20,74 % избирателей, а еще 24,79 % воспользовались возможностью голосования через Интернет. Аналогичное объяснение имеет и почти двукратный скачок голосования за ЕР в Севастополе, где 65,57 % избирателей голосовало вне избирательных участков, а еще 9,6 % — при помощи ДЭГ. Вне избирательных участков проголосовали 16 % избирателей в КЧР, 18,1 % в Тульской области, 21,5 % в Крыму, 22,5 % в Тыве и 24 % избирателей в Брянской области. В литературе уже отмечалось, что применение в России технологий дистанционного и электронного голосования выявило целый ряд проблем: это и устойчивость перед кибератаками, и сложность процедуры проверки и внешнего наблюдения за ходом голосования, и сложность аутентификации пользователя, и возможность оказания давления на избирателя [Виноградова 2024]. А высокая доля голосующих в переносные урны демонстрирует сильную статистическую связь с голосованием за «Единую Россию» [Савенков 2019].

Таблица 2. **Голосование за парламентские партии на региональных выборах 2024 г. по регионам**

Регионы	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые люди
Республика Алтай	53,8	13,6	18,2	5,7	5,2
Кабардино-Балкарская Республика	73,7	12,4	5,1	10,4	0,8
Карачаево-Черкесская Республика	68,1	12,7	5,1	11,8	-
Республика Крым	74,9	5,2	5,7	2,8	3,1
Республика Марий Эл	61,2	11,6	8,7	4,9	4,4
Республика Татарстан	76,8	11,5	4,4	3,3	4,2
Республика Тыва	80,0	5,5	5,0	3,3	5,4
Хабаровский край	45,9	12,6	16,8	7,3	5,4
Брянская область	68,7	8,4	13,3	3,5	2,5
Волгоградская область	52,4	16,4	13,0	5,5	5,2
Тульская область	58,7	13,2	9,7	7,6	4,2
Севастополь	71,6	5,8	6,9	4,1	7,0
В среднем	**65,7**	**10,9**	**9,5**	**5,9**	**3,9**

Источник: составлено С.А. Шпагиным на основе базы данных ЦИК России. URL: http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 24.11.2024).

Table 2. **Voting for parliamentary parties in the regional elections of 2024 by regions**

Regions	UR	CPRF	LDPR	JRPT	New people
Republic of Altai	53.8	13.6	18.2	5.7	5.2
Republic of Kabardino-Balkaria	73.7	12.4	5.1	10.4	0.8
Republic of Karachay-Cherkessia	68.1	12.7	5.1	11.8	-
Republic of Crimea	74.9	5.2	5.7	2.8	3.1
Republic of Mari El	61.2	11.6	8.7	4.9	4.4
Republic of Tatarstan	76.8	11.5	4.4	3.3	4.2
Republic of Tuva	80.0	5.5	5.0	3.3	5.4
Khabarovsk Territory	45.9	12.6	16.8	7.3	5.4
Bryansk oblast	68.7	8.4	13.3	3.5	2.5
Volgograd oblast	52.4	16.4	13.0	5.5	5.2
Tula oblast	58.7	13.2	9.7	7.6	4.2
Sevastopol	71.6	5.8	6.9	4.1	7.0
On average	**65.7**	**10.9**	**9.5**	**5.9**	**3.9**

Source: compiled by S.A. Shpagin based on the Central Election Commission of Russia database. Retrieved November 24, 2025, from http://www.izbirkom.ru/ region/izbirkom

Голосование за партии парламентской оппозиции следует обратной динамике. Резко прибавившая в 2019 г., КПРФ в 2024 г. набрала ощутимо меньше голосов, особенно на Алтае (в 2,2 раза), в Марий Эл (в 2,3 раза) и Севастополе (в 3,2 раза). Зато ей удалось пробиться в Народный Хурал Тывы. Похожая динамика и у ЛДПР: после внушительных успехов в 2019 г., партия в 2024 г. вновь не смогла преодолеть заградительный барьер в Татарстане, утратила лидирующее положение в Хабаровском крае, но удержала за собой второе место в Крыму и Брянской области, а также сумела занять его на Алтае и в Севастополе.

Несмотря на объединение, партия «Справедливая Россия — Патриоты — За правду!» (СРЗП) в 2024 г. повторно потерпела неудачи в Крыму, Татарстане и Тыве. К ним добавились поражения в Марий Эл, Брянской области и Севастополе. Заметными успехами «справороссов» можно считать разве что попадание в Законодательную Думу Хабаровского края и двукратный рост голосов в Карачаево-Черкесии — главным образом за счет бывшего электората «Патриотов России». Партия «Новые люди» добилась успеха только на Алтае, в Волгоградской области, Хабаровском крае, Севастополе и Тыве.

Среди непарламентских партий отметим активность «Партии пенсионеров», которая получила в Севастополе отказ в регистрации, приняла участие в выборах в пяти других регионах, оттянув на себя значительную часть избирателей СРЗП, и преодолела заградительный барьер в Волгоградской

области. Хотя списки кандидатов «Гражданской платформы» не прошли регистрацию в Брянской области и Хабаровском крае, она сохранила свою фракцию в Народном Собрании КЧР. То же самое удалось РЭП «Зеленые» в КБР (но не удалось в Крыму). Зато все три кампании партии «Родина» и четыре — «Коммунистов России» в единых округах на этот раз были безуспешными.

Фрагментация региональных партийных систем

Подобно уровню голосования за парламентскую оппозицию, индекс эффективного числа электоральных партий в 2024 г. ощутимо снизился по сравнению с показателями 2019 г. и почти достиг уровня 2014 г. Если по итогам выборов 2019 г. в республиках Алтай и Марий Эл фиксировался средний уровень электоральной конкуренции, а в Крыму, Волгоградской, Тульской областях и Севастополе — низкий [Шпагин 2021: 176–177], то в 2024 г. среднеконкурентных регионов не осталось, а что-то похожее на электоральную конкуренцию просматривается только в Хабаровском крае, Волгоградской области и на Алтае. Наименее конкурентные выборы по традиции прошли в Тыве (табл. 3).

Таблица 3. **Динамика эффективного числа партий на выборах в 2014–2024 гг.**

Регионы	ENEP			ENPP		
	2014	2019	2024	2014	2019	2024
Республика Алтай	2,40	3,27	2,05	1,45	1,83	1,11
Кабардино-Балкарская Республика	1,67	1,54	1,56	1,48	1,48	1,48
Карачаево-Черкесская Республика	1,44	1,59	1,57	1,42	1,60	1,58
Республика Крым	1,40	2,02	1,33	1,07	1,27	1,11
Республика Марий Эл	1,64	3,20	1,83	1,14	1,72	1,09
Республика Татарстан	1,19	1,45	1,34	1,22	1,20	1,16
Республика Тыва	1,15	1,26	1,28	1,03	1,07	1,33
Хабаровский край	1,92	1,95	2,57	1,22	1,22	1,32
Брянская область	1,38	1,59	1,54	1,09	1,27	1,19
Волгоградская область	1,76	2,17	2,20	1,21	1,42	1,44
Тульская область	1,62	2,33	1,90	1,16	1,41	1,28
Севастополь	1,28	2,79	1,47	1,09	1,99	1,22
В среднем	**1,66**	**2,10**	**1,72**	**1,25**	**1,57**	**1,27**

Источник: составлено С.А. Шпагиным на основе базы данных ЦИК России. URL: http://www.izbirkom.ru/ region/izbirkom (дата обращения: 24.11.2024).

Table 3. **Dynamics of the effective number of parties in the elections 2014–2024**

Regions	ENEP			ENPP		
	2014	2019	2024	2014	2019	2024
Republic of Altai	2.40	3.27	2.05	1.45	1.83	1.11
Republic of Kabardino-Balkaria	1.67	1.54	1.56	1.48	1.48	1.48
Republic of Karachay-Cherkessia	1.44	1.59	1.57	1.42	1.60	1.58
Republic of Crimea	1.40	2.02	1.33	1.07	1.27	1.11
Republic of Mari El	1.64	3.20	1.83	1.14	1.72	1.09
Republic of Tatarstan	1.19	1.45	1.34	1.22	1.20	1.16
Republic of Tuva	1.15	1.26	1.28	1.03	1.07	1.33
Khabarovsk Territory	1.92	1.95	2.57	1.22	1.22	1.32
Bryansk oblast	1.38	1.59	1.54	1.09	1.27	1.19
Volgograd oblast	1.76	2.17	2.20	1.21	1.42	1.44
Tula oblast	1.62	2.33	1.90	1.16	1.41	1.28
Sevastopol	1.28	2.79	1.47	1.09	1.99	1.22
Averege	**1.66**	**2.10**	**1.72**	**1.25**	**1.57**	**1.27**

Source: compiled by S.A. Shpagin based on the Central Election Commission of Russia database. Retrieved November 24, 2025, from http://www.izbirkom.ru/ region/izbirkom

Динамика уровня фрагментации депутатского корпуса избранных законодательных собраний регионов также примерно соответствует результатам парламентской оппозиции. Если в 2019 г. фрагментация в ряде регионов несколько выросла и позволяла говорить о возможности реальной конкуренции, особенно в Москве и Севастополе, то в 2024 г. в большинстве регионов показатели буквально рухнули. Республики Алтай и Марий Эл, входившие ранее в тройку регионов с наиболее фрагментированными ассамблеями, в 2024 г. сформировали наименее конкурентные органы власти. Об уровне партийности заксобраний многое говорит уже тот факт, что на первое место по уровню фрагментации вышла Карачаево-Черкесия, а вовсе неконкурентная Тыва оказалась на 4-м месте.

Партийная динамика по итогам выборов 2024 г.: основные выводы

Тенденции, наблюдаемые по итогам выборов 2024 г., противоречивы. Как и ранее, сокращается количество партий, принимающих участие в региональных выборах. Ни одна партия не смогла зарегистрировать свой список на основании собранных подписей. Однако если прежде сокращение числа партийных игроков приносило дивиденды оппозиции, то на этот раз

тенденция снижения результатов ЕР переломилась. В условиях монополизации информационного пространства и доминирования властной повестки «партия власти» уже не нуждается в маскировке своих кандидатов под независимых и выдвигает их от собственного имени. Не приходится говорить и об укреплении позиций непарламентских партий: их представительство в законодательных органах изучаемых регионов сократилось с 20 депутатов до 7. Отчасти тому способствовало появление в регионах новой парламентской партии «Новые люди». Происходит свертывание партийного плюрализма и консолидация избирателей вокруг все более ограниченного круга партий. В таком контексте неудивительно снижение уровня фрагментации электорального пространства и депутатского корпуса региональных парламентов. В новых условиях для межпартийной конкуренции в регионах осталось очень мало места.

Поступила в редакцию / Received: 20.01.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 12.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Виноградова И.М. Технология дистанционного и электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы // PolitBook. 2024. № 2. С. 51–76. http://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76.

Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции к иерархии // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 135–152.

Джанда К. «Governance», верховенство закона и партийные системы // Политическая наука. 2010. № 6. С. 113–142.

Курочкин А.В. Укрепление и укоренение политических партий в России: процесс институционализации в условиях ограниченной электоральной конкуренции. Чебоксары : ИД «Среда», 2021.

Любарев А.Е. Как избирательное законодательство влияет на выборы: анализ 35-летней российской истории // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (154). С. 150–170. http://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-3-150-170.

Любарев А.Е. Российская партийная система после реформы 2012 г. // Электоральная политика. 2020. № 2 (4). URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy2012-goda/ (дата обращения: 21.05.2022).

Перфильев Ю.С. Электоральная конкуренция в современной Иркутской области: муниципальный разрез // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 21. С. 62–70.

Петров Ю.Д., Григорьев Н.А. Электоральная конкуренция на региональных и муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия) // Власть. 2018. № 7. С. 105–112.

Савенков Р.В. Электоральный потенциал оппозиционных кандидатов по итогам выборов в региональные парламенты в Центрально-Черноземном регионе (2010–2018) // Политическая наука. 2019. № 2. С. 74–94. http://doi.org/10.31249/poln/2019.02.04.

Шашкова Я.Ю. Влияние новелл партийно-электорального законодательства на формирование легислатур регионов Западной Сибири в 2010-е гг. // Публичная политика. № 2. Октябрь-ноябрь 2017. С. 86–93.

Шилов В.Н., Рылкина А.П. Динамика политической конкуренции в России в постперестроечный и постсоветский периоды // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 164–175.

Шпагин С.А. Партийная динамика российских регионов по итогам парламентских выборов 2019–2020 годов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 173–183. http://doi.org/10.17223/1998863X/62/15.

Шпагин С.А. Партийная конкуренция на региональных выборах 2021 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 1. С. 68–74.

Pennings P., Lane J.-E. Comparing Party System Change / ed. by P. Pennings & J.-E. Lane. London : Routledge, 1998.

Dunleavy P., Boucek F. Constructing the number of parties // Party Politics. 2003. Vol. 9. No. 3. P. 291–315. http://doi.org/10.1177/1354068803009003002.

Golosov G. The effective number of parties: A New Approach // Party politics. 2010. Vol. 16. No. 2. P. 171–192. http://doi.org/10.1177/1354068809339538.

Korgunyuk Yu., Ross C., Shpagin S. Party Reforms and the Unbalancing of the Cleavage Structure in Russian Regional Elections, 2012–2015 // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. P. 1–27. http://doi.org/10.1080/09668136.2017.1417976.

Laakso M., Taagepera R. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. April. P. 3–27. http://doi.org/10.1177/001041407901200101.

Molinar J. Counting the Number of Parties: An Alternative Index // The American Political Science Review. 1991. Vol. 85. Issue 4. P. 1383–1391. http://doi.org/10.2307/1963951.

Sartori G. Parties and Party Systems: A framework for analysis. 2nd edition. Colchester: ECPR Press, 2005.

References

Vinogradova, I.M. (2024). Remote electronic voting technology in Russia: implementation experience and future prospects. *PolitBook, 2,* 51–76. (In Russian). http://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76.

Gelman, V.Ya. (2008). Political parties in Russia: From competition to hierarchy. *Polis. Political Studies, 5,* 135–152. (In Russian).

Janda, K. (2010). "Governance," rule of law and party systems. *Political Science, 6,* 113–142. (In Russian).

Kurochkin, A.V. (2021). *Strengthening and rooting of political parties in Russia: the process of institutionalization in conditions of limited electoral competition*. Cheboksary: Publishing House "Sreda". (In Russian).

Lyubarev, A.E. (2023). How electoral legislation affects elections: An analysis of 35 years of Russian history. *Comparative constitutional review,* (3), 150–170. (In Russian). http://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-3-150-170.

Lyubarev, A.E. (2020). Russian party system after the 2012 reform. *Electoral politics*, 2, 1. (In Russian). Retrieved February 10, 2025, from http://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy2012-goda/

Perfiliev, Ju.S. (2017). Electoral competition in the modern Irkutsk region: Municipal open pit. *Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religious studies"*, *21,* 62–70. (In Russian).

Petrov, Yu.D., & Grigoriev, N.A. (2018). Electoral competition in regional and municipal elections in the Republic of Sakha (Yakutia). *Vlast'* (*Power*), (7), 105–112. (In Russian).

Savenkov, R.V. (2019). Electoral potential of opposition candidates following the results of elections to regional parliaments in the Central Black Earth Region (2010–2018). *Political science*, (2), 74–94. (In Russian). http://doi.org/10.31249/poln/2019.02.04.

Shashkova, Ya.Yu. (2017). The influence of innovations of party-electoral legislation on the legislatures formation of the regions of Western Siberia in the 2010s. *Public policy*, *2,* 86–93. (In Russian).

Shilov, V.N., & Rylkina, A.P. (2013). Dynamics of political competition in Russia in the post-perestroika and post-Soviet periods. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political science. Economics. Information technologies*, *15*(27), 164–175. (In Russian).

Shpagin, S.A. (2021). Party dynamics of Russian regions following the results of the parliamentary *elections* 2019–2020. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 62, 173–183. (In Russian). http://doi.org/10.17223/1998863X/62/15.

Shpagin, S.A. (2023). Party competition in the regional elections of 2021. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, *1,* 68–74. (In Russian).

Pennings, P., & Lane, J.-E., (Eds.) (1998). *Comparing Party System Change*. London: Routledge.

Dunleavy, P., & Boucek, F. (2003). Constructing the number of parties. *Party Politics*, *9*(3), 291–315. http://doi.org/10.1177/1354068803009003002.

Golosov, G. (2010). The effective number of parties: A New Approach. *Party politics*, *16*(2), 171–192. http://doi.org/10.1177/1354068809339538.

Korgunyuk, Yu., Ross, C., & Shpagin, S. (2018). Party reforms and the unbalancing of the cleavage structure in Russian regional *elections,* 2012–2015. *Europe-Asia Studies*, *70*, 1–27. http://doi.org/10.1080/09668136.2017.1417976.

Laakso, M., & Taagepera, R. (1979). «Effective» number of parties: A Measure with application to West Europe. *Comparative Political Studies*, *12*(1), 3–27. http://doi.org/10.1177/001041407901200101.

Molinar, J. (1991). Counting the number of parties: An alternative index. *American Political Science Review*, *85*(4), 1383–1391. http://doi.org/10.2307/1963951.

Sartori, G. (2005). *Parties and Party Systems: A framework for analysis*. 2nd edition. Colchester: ECPR Press.

Сведения об авторе:

Шпагин Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (e-mail: shpagin1972@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9623-8608)

About the author:

Sergey A. Shpagin — PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (e-mail: shpagin1972@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9623-8608)